

Мужчины / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 22 января, 2025

Мужчины / рассказ МУЖЧИНЫ

Комната была полна людьми. На дастархане теснились пустые миски, опорожненные и недопитые, но уже давно остывшие чайники.

– Вы, парни, пожалуй, не помните, – Кертик-ага, заискивающе улыбнулся и вытер жирные пальцы о край скатерти. – А в прежние времена даже небогатые люди, когда устраивали той, сзывали все село, из других аулов приглашали. Борцы боролись, бахши пели. А сейчас что? Даже те, у кого денег полно, и то от души не расщедрятся. Зовут только нужных людей, в одной комнате всех гостей угощают. Нет, парни, я вам прямо скажу: нынче и праздники не те, да и люди, откровенно говоря, измельчали...

– К чему это вы так? – сказал один из гостей, недовольно глядя на старика.

– Нет, если вы обвиняете, Кертик-ага, то уж будьте добры – объясните в чем причина? – подмигивая соседям, спросил известный своим озорством Хемра, в надежде посмеяться над стариком.

Кертик-ага не торопился с ответом. Убедившись наконец, что ему удалось завладеть вниманием присутствующих, он, слегка откинувшись назад, произнес.

– Причина в чем, спрашиваешь? – помолчал немного и произнес свой приговор. – Причина известная: не осталось настоящих мужчин...

– Ого!..

– Ты не»огокай», Хемра-джан. Я истину говорю. Мужчины свою власть женщинам уступили. А женщина добром сорить не станет. Даже если найдет что на дороге, так и то поскорей в чулан тащит. Природа у них, у женщин, такая. Конечно, они для дома, для детей стараются, но как бы ни было, теперь без жениного дозволения и травинка в доме не колыхнется.

– По вашему, Кертик-ага, выходит, что жен слушать не надо,

так? – вступил в разговор Елбарс, который в глубине комнаты, полулежа на подушках, цедил остывший чай. – А я так понимаю, что кое в чем они правы. Из-за кутежей только траты лишние, а все равно, сколько ни выставь угощения, всем мил не станешь. Разве не так?

– Противно слушать, когда своих жен цитировать начинают. Своего мнения у тебя, Елбарс, нет? Женщина есть женщина. Сказал ей»сядь» – пусть сидит, скажешь»стой» – тогда пусть встанет.

– О, Хемра, как ты поешь. Только зачем бахвалиться, если за свои слова ответить не можешь!

Хемра побагровел.

– Не бойся! Я своих слов никогда на ветер не бросаю.

Добродушный толстяк Мяти поспешил разрядить обстановку:

– В прежние времена мужчины, говорят, своих жен меньше дров ценили. А у них не по одной жене было, по двенадцать, и ни одна даже пискнуть не смела. А теперь... – он прикусил нижнюю губу и в отчаянии замотал головой. – Нет, я так думаю, что просто бабы теперь совсем другие, не то, что прежде. Какой бы ты герой ни был, дай тебе двенадцать теперешних женщин в жены, через день из дому сбежишь. Нет, это нам медали надо давать за то, что все их капризы терпим.

– Что-то ты не туда разговор повел, Мяти. Кертик-ага что сказал: тои в прежние времена были не в пример нынешним. А ты о чем?.. – Хемра, который почему-то был решительно против разговора о женах, погладил по головке своего трехлетнего сына, что сидел у его ног, и продолжил: – Что ни говорите, а по большому счету Кертик-ага прав. У Астана после четырех дочерей родился сын, а он от друзей пятью килограммами мороженого мяса решил отделаться.

– Вот, Астан-джан, благодарность за угощение. Хлеб-соль ел, а теперь, слышишь, как заговорил. – Елбарс посмотрел по сторонам. – Все теперь так отмечают. И правильно. Посоветовался с женой...

– «Посоветовался, посоветовался...»В роддоме, что ли?..

– А почему бы и нет. Что, нельзя жене о своих планах сказать?

– Сказать можно, да только нет теперь прежних жен, которые,

чтобы муж не спрашивал, один только ответ знали:»Как вы, отец, решили, так тому и быть!«. Теперь станешь с ней советоваться, а она сразу учить начнет, мол, как я скажу, так и будет. Все за тебя решит. И куда пойти, и с кем говорить, и что сказать.

– Тут все от тебя самого, Мяти, зависит. Воли жене не давай. Скажет что-нибудь, а ты сделай вид, что не слышишь ее. Да и работать побольше заставляй. Если устанет за день, как вол, так не очень-то ворчать станет. Понял?

– Чего ты других учишь, а сам так не делаешь? Размечтался наш Хемра. Рядом с женой слова лишнего не скажет. Объясни-ка нам, почему ты, куда ни идешь, повсюду с собой сынишку таскаешь. Нянька ему, что ли, а?.. Что ребенку среди взрослых делать?

– Причем тут нянька. Просто, как иду куда-нибудь, он в слезы. А я его слез не могу видеть. Сердце ведь не каменное, Елбарс-джан. С работы приду, он на шею бросится, обнимает, целует, прямо праздник для него.

– Это верно. Современные дети больше к отцам тянутся. И я объясню почему: матери на них не очень-то внимание обращают. Чуть что – сразу подзатыльник. Вот они и держатся от них подальше. А у мужчин сердце мягкое. Отец сынишку не ущипнет, не скажет ему: «А ну, ступай к матери!».

– Золотые слова, Кертик-ага. Наш Хемра – живой пример. Ладно, здесь все свои – скажи честно, Хемра, жены боишься?

– Я, выходит, трус, а ты, Елбарс, – храбрец. Если тебе родители такое имя дали¹, так, можно подумать, у тебя и сердце львиное.

– Нет, в прежние времена все по другому было, – мечтательно произнес таксист Мяти. – Помню отец, вечная ему память, прикрикнет на мать»А ну, молчи!«, так она и молчит до посинения. А теперь мать начнет детей ругать, так муж, чтоб ей угодить, тоже на них набросится. До чего дошло – матери детей отцом пугают:»Вот скажу отцу, он тебе покажет!«Словно псу на растерзание отдаст...

– Нет, ребята, я вам так скажу: не осталось теперь настоящих мужчин. Может, где есть еще один-другой, но в нашем селе давно уже все удальцы перевелись.

– Опять вы за свое, Кертик-ага, – обиженно произнес Хемра. –

Можно подумать мы не мужчины.

– Мужчины, мужчины, – примирительно сказал Керттик-ага. – Только я не о том говорю, что у тебя в паспорте написано. Ты знаешь,

что такое денене? Никто не знает? – Ответом ему было молчание. – Так вот, денене – это складчина. Собируется компания, каждый вносит свою долю, купят барашка или козленка и посидят потом как следует. Помню в молодости соберемся, придем среди ночи к кому-нибудь, овцу зарежем, потом хозяин жену будит, чтоб она нам келебашаяк приготовила – пируем до самого рассвета. Вот что мы творили. А кто из вас без согласия жены посмеет барашка зарезать? А чья жена согласится среди ночи баранью голову и ноги чистить? А?

– Это конечно можно... – еле слышно произнес кто-то.

– Кто сказал? – воспрянул Керттик-ага, пристально вглядываясь в лица сидящих.

– Только не я, – честно признался Елбарс под ухмылки окружающих.

– Действительно, кто сказал, – поддержал Керттика-агу хозяин дома, глядя на Хемру.

– Нечего на меня смотреть, Астан. Если я что скажу, так от своих слов отступаться не стану. Я жены не боюсь. Женщина есть женщина. Что ей скажу, то и сделает.

– Нет, давайте прямо говорить. Кто из вас может среди ночи пригласить к себе друзей, зарезать ягненка и приказать жене, чтобы она его гостям угощение готовила? – не унимался Керттик-ага. – Только такой человек достоин называться настоящим мужчиной!

– Нет, Керттик-ага, сейчас уже слишком поздно. И вообще, что вы каждый раз один и тот же спор затеваете, – на правах хозяина дома стал урезонивать старика Астан.

Но Керттика-агу было уже не остановить:

– Нет мужчин настоящих?

– Кому надо среди ночи барана резать. Давайте завтра сложимся. Барана я найду.

– Елбарс-джан, днем каждый сможет. В том-то и штука, чтобы

гостей ночью пригласить, когда женушка спит самым сладким сном.

– Ну, тогда на одного Хемру надежда. Он с самого начала говорил, что не боится жены – вот пусть и докажет.

– Плохая у тебя привычка, Елбарс. Сразу за чужую спину прячешься. Я тебе что плохого сделал?

– Ты, Хемра, не крути. Скажи прямо: сможешь или нет.

– Жене что-то нездоровится, Кертик-ага...

– Заболела? А я ее сегодня возле магазина видел.

– Не лезь, Елбарс. Я же не говорю, что она в больнице лежит. Ходит...

– Вот и заставь ее келебашаяк нам приготовить.

– Если захочу – заставляю.

– Вот и хорошо! – обрадовался Кертик-ага. – Сейчас прихватим моего барашка и отправимся к тебе. И даю слово, – старик торжественно возвысил голос, – если сделаешь так – я даже не заикнусь впредь, что не осталось в нашем селе настоящих мужчин.

– Неудобно как-то, Кертик-ага, в моем доме резать вашего барашка. Был бы у меня баран...

– А ты что со своими баранами сделал? У тебя ведь семь их было, один жирней другого.

– Сиди, Елбарс, и помалкивай!

– А зачем ты врешь!

– Ты сам лучше свое имя оправдай. Тоже мне – лев-храбрец.

– Я честно говорю: моя жена мотовства не любит. Говорит, жить надо скромно – нам пыль людям в глаза пускать незачем.

– А еще что твоя женушка говорит?

– Ладно, Кертик-ага, бросьте!.. Зачем вы людей стравливаете, – сказал Мяти-таксист.

– Нет, Мяти-джан, никого я не стравливаю. Я ведь сразу говорил, что не осталось у нас настоящих мужчин. И раньше это знал, а сегодня еще раз убедился.

– Ладно. Нам это не под силу, так вы, Кертик-ага, сами покажите на что способны, – стал напирать на старика Хемра.

– Нет, стар я для таких споров, парни. Будь я, как вы, – тогда другое дело. Я и не скрываю, что давно уже вожи жене в руки

отдал. Да и у старухи силы не прежние. Голову чистить, ноги... Конечно, если настаиваете...

– Не нужно нам келебашаяк. Пусть печенку пожарит.

– Ну, если печенку – тогда дело другое. Это можно.

– Значит идем?

Хемра ожидал, что Керттик-ага начнет увиливать, но старик был полон решимости:

– Идемте.

– За приглашение, конечно, спасибо, Керттик-ага, – пошел на попятную Хемра, – только завтра люди нас засмеют, если мы среди ночи барашка резать станем.

– Эх, Хемра-джан, нельзя всю жизнь ходить таким важным, точно фотографироваться собрался. Засмеют – так засмеют. Зачем нам сегодня думать о том, кто что завтра скажет.

– Это верно. Но вот тетушка Айджан... Не по-людски это – ее среди ночи будить. Она ведь хворает.

– Вы ребята об этом не беспокойтесь. Идемте.

Все разом встали, точно только и ждали этого при-глашения.

Когда вышли на ночную улицу Мяти-таксист, глядя на бодро шагающего впереди Керттика-агу весело произнес:

– Да были в прежние времена настоящие смельчаки!

– Люди, я, наверное, с вами не пойду, – сказал Хемра, словно оправдываясь. – Сынишке спать пора. Поздно. Астан, а ты пойдешь?

– Как можно в стороне от такого пиршества отказаться!

– Ну, как знаешь. Конечно, если б не ребенок, отчего не посмотреть, как Керттик-ага будет барана резать. Ладно. Я домой. До свиданья.

Никто Хемре не ответил. Мысленно все были уже во дворе у Керттика-аги. Когда же этот миг настал, Керттик-ага решительно распахнул дверь загона и предложил:

– Ну, парни, выбирайте любого!

– Только без меня, – Елбарс отступил на шаг назад. – Керттик-ага, вы бы все же с женой посоветовались. Тетушка Айджан обидеться может.

– Керттик-ага сказал «режьте!», вот и делайте, что он велит, – веселился Мяти-таксист.

– Верно. Если что – Керттик-ага за все ответит. Наше дело маленькое. – Астан вошел в овчарню и остановился, вглядываясь в темноту. – Сейчас подомнем какого-нибудь. Эй, Керттик-ага, покажите, какого ловить, перед женой ведь вам отвечать.

– Да что вы в самом деле! Мы с ней, как один человек: мои мысли – ее мысли. Лови любого.

Астан так и поступил. Ухватил первого попавшегося и потянул его к двери.

– Веревку несите!

– Где ее теперь искать! Да и зачем веревка, если сейчас его зарежем. – сказал Керттик-ага. – Нож нужен, а не веревка.

– Оставьте в покое этого барана, – забеспокоился Елбарс. – Смотрите, сейчас нас всех отсюда погонят.

– Чем болтать, лучше нож держи.

– Нет, Керттик-ага, я барана никогда не резал.

– Да ты горло ему перережь, а остальным я сам займусь, – дрожа, словно от холода, сказал Мяти.

– Держи его за ноги, держи!

Через миг барашек жалобно заблеял, и тотчас же скрипнула дверь дома.

– Кто там? – раздался голос тетушки Айджан, а вслед за тем детский плач и топот убегающих ног.

– Хемра!.. – констатировал Елбарс. – Я так и знал, что он за нами плетется. А теперь он, как всегда, ни при чем.

– Эй, кто там у загона? – снова крикнула тетушка Айджан. – Сейчас мужа позову.

– Свои, жена.

– Вы-ы? – Тетушка Айджан подошла ближе. – Елбарс... Астан... Что же вы здесь стоите, проходите в дом.

– Сейчас, сейчас... Иди в дом, мы чуть позже подойдем.

– Что это вы тут делаете? – с тревогой в голосе спросила тетушка Айджан.

– Да вот, парням свежатинки захотелось.

– А Керттик-ага разве с вами, гелнедже, не советовался? – удивленно произнес Елбарс. – Я их отговаривал, но они не послушали.

– А-а, теперь понятно. Значит это не парням, а вам свежей

баранины среди ночи захотелось? Небось весь вечер людям испортили? Только и знаете – людей на глупости подбивать.

– Эй, жена, что ж ты меня перед молодежью позоришь. Что они подумают. Разнесут завтра по селу, что Кертик-ага боится своей жены.

– При чем тут боится? Обязательно что-ли жить в страхе друг перед другом? Я же не о том говорю. Ну ладно, у вас, как говорится, борода выросла, а ума не принесла, но ты, Астан... Не стыдно? Отпусти несчастного барана!

– Ладно, люди, я пошел, – сказал Елбарс и тотчас растворился в темноте.

– Вы, парни, что – своего Кертика-агу не знаете. Да он же временами, как помешанный.

– Слова выбирай, жена!

– Я и выбираю. Да отпустите вы барана!

– Поздно.

– Что?..

– Поздно.

– Успели горло перерезать? Несчастное животное. Посмотрите, чем они в полночь занимаются. Только, отец, вы меня сейчас готовить не просите. Я уже не прежняя Айджан. Голову, ноги завтра буду чистить, сейчас нет сил.

– Гелнедже, да не нужен нам келебашаяк. Пожарьте печеночку, почки, сердечко. А вообще – что мы сами себе приготовить не сможем? Отдыхайте. Спасибо уж за то, что не гоните нас и не ругаете, – затороторил повеселевший Астан.

– Да что ж мне вас гнать и ругать. Вы, мужчины, только на такие дурацкие выходки и способны. Беситесь от жиру!..

Тетушка Айджан ушла, сказав, что идет спать. Но заснуть уже не смогла: развела огонь в очаге, поставила казан, а некоторое время спустя принесла поздним гостям свежесваренную баранину.

– Да-а, – многозначительно протянул Мяти-таксист, глядя то на тетущку Айджан, то на сидевшего с невозмутимым видом Кертика-агу.

А позже, когда гости прощались с хозяином, каждый из них, пожимая старику руку, сказал:

– Вы, Кертик-ага, молодец!

Только на рассвете легли Керттик-ага и тетушка Айджан в свои постели. Но хотя старик провел бессонную ночь, заснуть он не смог – лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Потом быстро повернулся на бок, приподнялся и глядя туда, где лежала жена, торопливо заговорил:

– Разве ты сама не говорила, что теперь и свадьбы не такие, как прежде, и мужчины рабами своих жен стали, а? Мол, мужчина теперь без разрешения жены и не чихнет. Говорила, говорила! – а теперь...

– Ах, отец, – отозвалась тетушка Айджан, – да я, как увидела, что вы барашка режете, сразу прежние годы вспомнила. Когда молодыми были. Вдруг представилось, что я еще молодуха, и так сразу легко стало... Вы уж не обижайтесь, пожалуйста, что я поворчала немного...

Керттик-ага опустил голову на подушку; на губах у него играла улыбка, и от этого лицо казалось помолодевшим сразу на много лет.

1987 г.

Осман ОДЕ. Некаýalar